

ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЙ ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Г.Е. Попова

В статье рассматривается прагма-когнитивная категория релевантности, истоки ее исследования, основные положения и эвристический потенциал. Автор предлагает и обосновывает новый ракурс в развитии исследований релевантности разножанровых дискурсов и средств ее манифестации, в частности инференциального маркирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая релевантность, интуитивная инференция, рефлексивная инференция, концептуализация, дискурсивные маркеры

ПОПОВА Галина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Астраханского государственного технического университета. pebble2406@mail.ru

Цитирование: Попова Г.Е. Теория релевантности: актуальный эвристический потенциал [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 2. – С. 122–134. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

RELEVANCE THEORY: CURRENT HEURISTIC POTENTIAL

Galina E. Popova

The article deals with Pragma-cognitive category of relevance, its research origins, main provisions and heuristic potential. The author offers and substantiates a new perspective in the development of studies of the relevance of different genres of discourses and means of its manifestation, in particular, the inferential marking.

KEY WORDS: linguistic relevance, inference, intuitive and reflective inference, conceptualization, discursive markers

POPOVA Galina E. – PhD in Philology, associate professor of the Foreign languages department of Astrakhan State Technical University. pebble2406@mail.ru

Citation: Popova G.E. relevance theory: current heuristic potential // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 2. – P. 122–134. Access mode: www.tverlingua.ru

Категория релевантности – одна из самых продуктивных, но не самых «прозрачных» категорий современной прагмакогнитивной лингвистики, не получившая широкого резонанса в отечественной лингвистике (Ирисханова, 2014; Правикова, 2002; Muschard, 2002) – вошла в терминологическое ядро науки о языке в 70-х годах прошлого века (Grice, 1971). Исследования прагматических аспектов языка и речевого взаимодействия, вслед за лингвистической философией (Демьянков, 1995; Рассел, 2001), поставили вопрос о выводимой, инференциальной природе смысла высказывания в логическом и прагматическом измерениях (Grice, 1971). В связи с этим возникла проблема *структуры понимания* как основы успешности речевой интеракции (Демьянков, 1983; Grice, 1991). Метафорически говоря, в лингвопрагматике имплицитная (непроизносимая, не «изреченная») составляющая смысла представлялась как подводная часть смысла-айсберга, то есть как наиболее обширная, а иногда и более значимая составляющая структуры понимания высказывания (Демьянков, 1983), которая выводилась по правилам инференциальной логики и контекстной составляющей (Grice, 1991). Грайс вывел свой объяснительный Принцип Кооперации через ряд максим, объясняющих восприятие и понимание той части смысла, которая вытекает не из значения слов, а из логического исчисления по принципу *modus ponens* («Если ..., то»: если на вопрос «Пойдешь ли ты гулять?» следует ответ «У меня завтра экзамен», то логичнее всего предположить, что экзамен – это причина отказа, а следовательно: «Не пойду» и т.д.). Суть принципа сводится также к тому, что главным свойством человеческой коммуникации (как деятельности) является ее *рациональность*, то есть обоснованность (*почему* и *зачем* это говорится) и телеологичность / востребованность (*нужна ли мне / тебе / ему эта информация*). Исходя из этого принципа, реципиент обязан решить, *почему* и

зачем это сообщение появилось (цель отправителя), и что значит сам факт его производства (произнесения) «здесь и сейчас». Это правило лежит в основе логической *инференции* «Если P, то Q» – основания для исчисления смысла высказывания (как содержания и как действия). При этом смысл не есть производное от простого декодирования языкового компонента (текста), – он рождается на основе прагматических факторов (ситуация, энциклопедические знания, общие знания отправителя и получателя, их взаимоотношения и интересы и т.д.). Причем контекст не является только чем-то внешним по отношению к высказыванию, он рождается в голове адресата как основание для понимания и принятия смысла сообщения (Fodor, 1986). Емкость и эффективность коммуникации основана на этом имплицитном отправителем смысле, для понимания которого реципиент пользуется правилами «кооперативного общения» (импликатурами *искренности, уважения* интересов собеседника, тематической *связности* и т.д.) (Grice, 1991).

Концепция импликатур успешного речевого взаимодействия Грайса была подвергнута критике (Демьянков, 1995) – не по существу, а, в частности, в пункте о количестве и иерархии максим (Leech, 1983), составляющих Принцип Кооперативности: например, постулаты вежливости могут «отменять» обязательность других грайсовых максим (Brown, Levinson, 1978; Leech, 2014), предлагалось объединить максимум количества (избытка информации) и максимум релевантности («говори по делу») в один постулат и т.д. (Horn, Ward, 2005). Как следствие, в качестве главного принципа успешного общения предлагается общее *мета-правило*: «выбирай такое речевое действие, которое – при прочих равных условиях – наиболее эффективно и наименьшей ценой достигает заданной цели» (Kasher, 1976: 205).

Такая редукция была окончательно воплощена Д. Спербером и Д. Уилсон в их «Теории Релевантности» (TR), постулирующей единый Принцип Релевантности, который определяет механизмы выведения актуального смысла высказывания в речевой ситуации (Sperber, Wilson, 1986/1995).

Следуя ТР, любое сообщение несет в себе презумпцию собственной релевантности, – то есть само обращенное к нам сообщение (сам факт производства и адресации сообщения) подразумевает, что оно имеет (для нас) значение, с точки зрения его отправителя. Другими словами, если говорящий обращается к слушателю, последний может предположить, что информация, которую он намеревается передать, заслуживает внимания и имеет значение, связанное с существующими представлениями слушателя о мире, т.е. является *релевантной* информацией. Максимальная релевантность достигается при наименьшем усилии по обработке реципиентом поступающей информации и максимальном когнитивном эффекте (новое знание) от получаемой информации. Другими словами, чем *легче* (быстрее) мы воспринимаем (усваиваем) входящую информацию и чем *более востребованным* является передаваемое знание (*когнитивный эффект*), тем более *релевантным* будет для нас получаемое сообщение.

ТР, основываясь на прагма-логических канонах Грайса и обратясь к когнитивной модели мультимодульного подхода Дж. Фодора (Fodor, 1986), совершила «когнитивный поворот» в прагматических и интеракционных исследованиях языка и речи (Ирисханова, 2014). Если до сих пор *релевантность* воспринималась как уместность речевого действия («говори по делу»), то в ТР эта категория приобретает универсальность общего алгоритма инференции – исчисления смысла – не только косвенных (имплицитных), но и *остенсивных* (эксплицитных) знаков-сообщений, «завязанных» на контекст, полимодальных и семантически сложных знаков коммуникации (интонация, мимика, взгляд, речевые маркеры).

Таким образом, теория релевантности обладает следующими характеристиками:

і) она является инференционной (логической): интерпретация высказывания результат дедуктивного процесса логической природы, действующего на когнио-прагматическом уровне, а не на семантическом уровне (непосредственно связанным с языком);

ii) она контекстуальна: прагматическая интерпретация изложения результат совокупного смысла, содержащегося в высказывании и в контексте; контекст из ситуации говорения превращается в часть (смысла) высказывания;

iii) она является когнитивной: прагматическая интерпретация изложения – результат когнитивного процесса на уровне «центральной системы» мысли, основанной на создании и на подтверждении поступающих в нее «гипотез» (Fodor, 1986). Центральная система управляет сообщениями, переданными специализированными модульными системами («системы входа»), среди которых лингвистическая система – один из модулей.

Теория релевантности не является, таким образом, априори лингво-прагматической, но когнитивной теорией. Между тем, некоторые гипотезы TP были сделаны на базе обработки языковых фактов и категорий, таких как речевые акты, иронические и метафорические высказывания (Sperber, Wilson, 1986/1995; Wilson, 2006), прагматические коннекторы (Алферов, 1990; Попова, 2004; Тамразова, 2017; Blakemore, 2004), референтная и кореферентная салиентность, (де)фокусирование (Ирисханова, 2014; Matsui, 2000); модальность речевых актов (Jary, 2007); грамматикализация и прагматизация (Алферов, 2001; Ирисханова, 2014: 214-244; Кустова, Попова, 2017); риторико-стилистическая и жанровая когерентность (Алферов, Попова, 2017; Попова, 2019; Тамразова, 2017; Muschard, 2002), тропеическая семантика: метафора (Allott, 2013; Carston, 2010), ирония (Wilson, 2006).

С когнитивных позиций Д. Спербер и Д. Уилсон не только объясняют, почему мы понимаем *неявную* информацию, но и почему мы пытаемся интерпретировать *все виды* информации, даются ли они неявно (имплицитно) или явно (остенсивно). «Люди обращают внимание на одни явления, а не на другие; они представляют себе эти явления так, а не иначе; они обрабатывают эти представления в одном контексте, а не в другом. Что определяет этот выбор? Наше предположение состоит в том, что люди склонны обращать внимание на наиболее релевантные, важные явления, что

они склонны строить наиболее релевантное возможное представление этих явлений и обрабатывать их в контексте, который максимизирует их релевантность. Релевантность и максимизация релевантности – ключ к человеческому познанию» (Sperber, Wilson, 1986:10).

Это свойство релевантности приобретает особое значение в контексте убеждающей и делиберативной (совещательной) коммуникации, когда условие релевантности становится необходимым условием принятия решения, аргументирования, убеждения.

ТР подразумевает ряд регулярных процедур и закономерностей (алгоритмов), составляющих когнитивный механизм, важность и универсальность которого трудно переоценить. Во-первых, категория релевантности является «пропуском» в теорию языковой рациональности (Mercier, Sperber, 2017), главной категорией которой становится понятие *рациональной инференции* (вычисления актуального смысла высказывания). В системе рационального рассуждения можно выделить две подсистемы или два уровня: *интуитивная инференция* (ИИ) и *рефлексивная инференция* (РИ). Эти две подсистемы имеют следующие отличия (Табл. 1):

Таблица 1.

Два типа (уровня) когнитивной инференции

Интуиция (ИИ)	Рефлексия (РИ)
быстрая	медленная
перцептивная (процедурная)	концептуальная
иррациональная	рациональная
прямая	косвенная
имплицитная	эксплицитная
персуазивная	аргументированная

Соответственно, устанавливается определенное соотношение между функциональными диапазонами ИИ и РИ: в обыденной коммуникации говорящие прибегают в основном к интуитивной обработке перцептивных

данных, так как автоматизм и мера ответственности за принимаемые решения не предполагают включения механизма «эпистемической бдительности» (Sperber, 2013). Уровень ответственности за те или иные суждения, решения, высказывания поднимает уровень инференции – от интуитивной к рефлексивной, от индексальной к символической и концептуальной. Возрастает глубина и полиаспектность (полимодульность) анализа (метарепрезентации) поступающей информации. Например, аргументация в парламентской дискуссии отличается от обыденного обмена мнениями тем, что событийная информация анализируется с точки зрения ее ближайшей и дальнейшей значимости (релевантности) в рамках внутреннего и внешнего пространства парламентской дискурсивной формации.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что на обоих уровнях исчисления смысла высказывания – интуитивном и рефлексивном – работает когнитивный модуль определения релевантности коммуникации (высказывания), который обусловлен выделенными (см. Табл.1) различиями между ИИ и РИ. Такая мета-операциональная рефлексия порождает два типа дискурсивных операторов метакоммуникативной функции релевантности: *сигналов-рефлексов* (интуитивных) и *сигналов-рефлексивов* (рефлексивных) (Гак, 1995; Вепрева, 2003; Тамразова, 2014).

Интеракциональные функции *рефлексов* и *рефлексивов* сходны – оценивать и сигнализировать о степени релевантности (качества) передаваемой и/или принимаемой информации в плане ее формы (номинативной, грамматической, стилистической и т.д.) и/или содержания (эпистемической релевантности: убедительности, искренности, истинности и т.д.). Границы между типами метакоммуникативных реакций размыты, и, если *междоментные* и *партикулярные* маркеры (*А!, Ну, Да/Нет!, Ага! Щас! дескать* и т.д.) имеют очевидно интуитивную функциональную дистрибуцию (Попова, 2017), отличаясь от исконных рефлексивов и логических коннекторов (*я полагаю, можно сказать, несмотря на, следовательно, поэтому* и т.д.) (Вепрева, 2003), то такие речевые слова-частицы, как *Подумаешь!, Скажем (так), Неужели?* –

занимают срединное положение на этом почти недискретном функциональном поле дискурсивных маркеров (ДМ).

И еще одно различие составляет типологический признак ДМ. Это их про- или ретро- активный характер. Проактивные маркеры дискурсивной релевантности участвуют в проектировании реакции партнера и маркируют образ его «внутренней релевантности» (Шюц, 2004): «*Знаете, нам тоже не легко*», «*Думаете, можно его уговорить?*», «*Готов спорить, вы и не предполагали такого*». Ретроактивные маркеры участвуют в контраргументационной игре коммуникантов: «*А то нет?*», «*Скажешь тоже!*», «*Вы в своем уме?*», «*Тебе-то что?*», «*Это, по вашему, справедливо?*» и т.д.; либо, наоборот, они указывают на релевантность суждения и высказывания собеседника: «*Согласен*», «*Поддерживаю*», «*Несомненно, да!*», «*Приятно слышать!*», «*Ты как в воду глядел!*» и т.д. Конечно, многие маркеры (не)релевантности попадают в область синтаксической и парасинтаксической (дискурсивной) области интеракции и паравербалики – жесты, мимика и т.д. Однако их морфосинтаксическая и функциональная типология, которая не раз попадала в поле зрения лингвистов, во-первых, не ограничивается приведенными выше речевыми стереотипами, а во-вторых, еще не рассматривалась с точки зрения процесса интуитивной и рефлексивной *акцептации* (предлагаемый нами термин) пропозициональной, иллюкутивной, интерперсональной и аргументативной *релевантности* того или иного высказывания в рамках жанровой дифференциации, в частности, в сопоставлении обыденного общения и дискурса парламентских дебатов, за исключением нескольких коррелирующих исследований (Попова, 2019). Интуитивная инференция действует на уровне сиюминутного (тактического) принятия решения, рефлексивная – на уровне стратегическом – с применением особых аргументативных ходов, иллюкутивных актов, межличностных триггеров и дискурсивных операторов.

Выявление речевых механизмов релевантности и *акцептации* в дискурсах разной степени институциональной ответственности

представляется нам актуальной и нетривиальной задачей в русле интеракциональной и когнитивной лингвистики.

Ссылки – References in Russian

Алферов, 1990 – *Алферов А.В.* Образование и функционирование глагольных речевых единиц во французском языке / Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Москва, 1990. – 16 с.

Алферов, 2001 – *Алферов А.В.* Интеракциональный дейксис. – Пятигорск. – 2001. – 300 с.

Алферов, Попова, 2017 – *Алферов А.В., Попова Г.Е.* Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2017, № 1. – С. 69–71.

Вепрева, 2003 – *Вепрева И.Т.* Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении / Диссертация ... доктора филологических наук. – Екатеринбург. – 2003. – 375с.

Гак, 1995 – *Гак В.Г.* Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М. – 1995, № 4. – С. 47–55.

Демьянков, 1983 – *Демьянков В.З.* Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983, № 6. – С.58–67.

Демьянков, 1995 – *Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН. – 1995. – С. 239–320.

Ирисханова, 2014 – *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

Кустова, Попова, 2017 – *Кустова Е.Ю., Попова Г.Е.* Прагматизация наречия как путь образования речевых маркеров французского языка // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017, № 4. – С. 84–86.

Кустова, Попова, Шамугия, 2015 – *Кустова Е.Ю., Попова Г.Е., Шамугия Л.Г.* Интеракциональная релевантность парламентского дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015, № 2. – С. 203–206.

Попова, 2004 – *Попова Г.Е.* Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия (на материале французского языка): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Воронеж, 2004. – 14 с.

Попова, 2017 – *Попова Г.Е.* Фразеорефлексы французского языка в речевом взаимодействии // Наука и практика – 2017. Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции. Под общей редакцией Н.Т. Берберовой, А.В. Котельникова. – Астрахань: АГТУ, 2017. – С. 74–75.

Попова, 2019 – *Попова Г.Е.* Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2019, № 1 (73). – С. 81–89.

Правикова, 2002 – *Правикова Л.В.* Релевантность как когнитивная и лингвистическая категория // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань. – 2002. – С.45–55.

Рассел, 2001 – *Рассел Б.* История западной философии. – СПб.: Азбука, 2001. – 960 с.

Тамразова, 2014 – *Тамразова И.Г.* Метаязыковая рефлексия в языковой картине мира. Коллективная монография // Ред. Шехтман Э.Н. – Тамбов, 2014. – С. 102–107.

Тамразова, 2017 – *Тамразова И.Г.* Нормы речевого поведения и релевантность высказывания // Общественные науки. – 2017, № 2-1. – С. 362–366.

Шюц, 2004 – *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

References

Alferov, A.V. (1990) Education and functioning of verbal speech units in the French language /*Thesis of candidate of philological Sciences*, Moscow, 16 p. (in Russian)

Alferov, A.V. (2001) *Interactive deixis*, Pyatigorsk, 300 p. (in Russian)

Alferov, A.V., Popova, G. E. (2017) Some linguistic and cognitive aspects of literary translation // *Bulletin of Pyatigorsk state linguistic University*, No. 1, pp. 69–71. (in Russian)

Allott, N. (2013) Relevance Theory // *Perspectives on Linguistic Pragmatics*, Berlin/New York, Springer, pp. 57–98.

Blakemore, D. (2004) *Discourse markers* // *The Handbook of Pragmatics*, Maiden, Mass, Blackwell, pp. 221–240.

Brown, P., Levinson, S. (1978) Universals in language usage: politeness phenomena // *Strategies in Social Interaction*, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 56–310.

Carston, R. (2010) Metaphor: Ad hoc concepts, literal meaning and mental images // *Proceedings of the Aristotelian Society*, pp. 295–321.

Demyankov, V. Z. (1983) Understanding as interpreting activity // *Questions of linguistics*, No. 6, pp. 58–67. (in Russian)

Demyankov, V.Z. (1995) Dominant linguistic theories in the late XX century // *Language and science of the late 20th century*, Moscow, Institute of linguistics, RAS, pp. 239–320. (in Russian)

Fodor, J.A. (1986) *La modularité de l'esprit*, P., Minuit, 234 p.

Gak, V.G. (1995) Phraseoreflexes in the ethno-cultural aspect // *Scientific reports of higher school. Philological science*, M., № 4, pp. 47–55. (in Russian)

Grice, P. (1971) Intention and Uncertainty // *Proceedings of the British Academy*, LVIII, pp. 263–279.

Grice, H.P. (1991) *Logic and Conversation* // *Pragmatics*, New York–Oxford: Oxford University Press, pp. 305–315.

Horn, L., Ward, G. (2005) *The Handbook of Pragmatics* Blackwell Publishing, 864 p.

Jary, M. (2007) Are explicit performatives assertions? // *Linguistics and Philosophy*, 30(2), pp. 207–234.

Iriskhanova, O. K. (2014) *Game of the focus in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing*, M., Languages of Slavic culture, 320 p. (in Russian)

Kasher, A. (1976) Conversational maxims and rationality // *Language in focus: Foundations, methods and systems: Essays in memory of Yehoshua Bar-Hillel*, Boston: Reidel, pp. 197–216.

Kustova, E. Yu., Popova, G.E. (2017) *Pragmatization of adverbs as a way of formation of speech markers of the French language* // *Bulletin of Pyatigorsk State University*, No. 4, pp. 84–86. (in Russian)

Kustova, E. Yu., Popova, G. E., Shamugia, L.G. (2015) Interactive relevance of parliamentary discourse // *Bulletin of Pyatigorsk state linguistic University*, No. 2, pp. 203–206. (in Russian)

Leech, G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*, London-NY., Longman, 250 p.

Leech, G. (2014) *The Pragmatics of Politeness*, Oxford University Press, 345 p.

Mercier, H., Sperber, D. (2017) *The enigma of reason*, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 396 p.

Matsui, T. (2000) *Bridging and relevance*, Amsterdam, John Benjamins, 232 p.

Muschard, J. (2002) Relevance Theory In Text And Discourse // *Text and discourse: traditional and cognitive-functional aspects of the study*, Ryazan, pp. 35–40.

Popova, G.E. (2004) *Relevance of the statement as a unit of speech interaction (by the material of the French language)*: abstract dis. ... candidate of philological Sciences, Voronezh, 14 p. (in Russian)

Popova, G.E. (2017) *Phraseoreflexes of French language in speech interaction* // *Science and practice – 2017. Proceedings of the all-Russian interdisciplinary scientific conference*. Under the General editorship of N.T. Berberova, V. A. Kotelnikov, Astrakhan, AGTU, pp. 74–75. (in Russian)

Popova, G.E. (2019) Cognitive-pragmatic category of relevance in the structure of parliamentary and political communication // *Political linguistics*, № 1 (73). P. 81–89. (in Russian)

Pravikova, L.V. (2002) Relevance as a cognitive and linguistic category // *Text and discourse: traditional and cognitive-functional aspects of the study*, Ryazan, pp. 45–55. (in Russian)

Russell, B. (2001) *History of Western philosophy*, SPb., ABC, 960 p. (in Russian)

Schüt, A. (2004) *The World of glowing sense* / trans. with it. and English, M., Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 1056 p. (in Russian)

Sperber, D. (2013) Speakers are honest because hearers are vigilant: reply to Kourken Michaelian // *Episteme*, 10, 1, pp. 61–71.

Sperber, D., Wilson D. (1986 / 1995) *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell, 265 p. // 2nd Ed., Oxford, Cambridge, MA, 338 p.

Tamrazova, I.G. (2014) *Meta-Linguistic reflection in the language picture of the world. Collective monograph* / Ed. Shechtman, E.N. Tambov, pp. 102–107. (in Russian)

Tamrazova, I.G. (2017) Norms of speech behavior and relevance of statements // *Social Sciences*, No. 2-1, pp. 362–366. (in Russian)

Unger, C. (2006) *Genre, Relevance, and Global Coherence: The Pragmatics of Discourse Type*, NY, Palgrave Macmillan, 308 p. (in Russian)

Vepreva, I.T. (2003) *Meta-Linguistic reflection in functional-typological*, Dissertation of Doctor of Philology, Ekaterinburg, 375 p. (in Russian)

Wilson, D. (2006) The pragmatics of verbal irony: Echo or pretence? // *Lingua*, 116(10), pp. 1722–1743.